
Д. Б. Шелов

ИДЕЯ ВСЕПОНТИЙСКОГО ЕДИНСТВА В ДРЕВНОСТИ

На рубеже II и I вв. до н. э. понтийскому царю Митридату VI Евпатору удалось подчинить своей власти почти все побережье Черного моря и создать всепонтийскую державу, объединившую в своем составе и греческие прибрежные города, и варварские племена Черноморского бассейна. Было бы неправильным рассматривать создание державы Митридата только как результат успешной политической и военной деятельности великого понтийского монарха. Конечно, именно Митридату принадлежит честь объединения в рамках одного государственного организма почти всех территорий, окружающих Понт Евксинский. Но это объединение было подготовлено всем предыдущим развитием стран Понтийского региона и в экономическом отношении базировалось на прочной основе внутривосточных связей, которые особенно возросли и окрепли в эллинистическую эпоху. Об этом мне приходилось уже писать¹. Но существует и другой аспект подготовки объединения припонтийских земель в одном государстве, касающийся возникновения и развития самой идеи такого объединения. Этот вопрос и явится предметом рассмотрения в настоящей статье.

Мысль о подчинении всех побережий Понта Евксинского единой политической власти возникла довольно рано. Ее появлению, вероятно, способствовало то обстоятельство, что у греков и ранее существовало представление о бассейне Черного моря как о едином географо-экономическом организме, составляющем особый район греческой ойкумены. Представление это, к сожалению, никогда не было предметом специального внимания, исследование его еще предстоит и представляет благодарную задачу для историков античной общественной мысли и античной литературы. Но самый факт существования такого представления вряд ли может вызывать сомнения.

Уже самая колонизация греками черноморских побережий, представлявшая собой постепенный и методически развивающийся непрерывный процесс, должна была способствовать возникновению у греков какой-то идеи о географическом единстве припонтийского района, тем более что основание греческих апоекий в Понте Евксинском в организационном и хронологическом отношении несколько отличалось от колонизационной деятельности греков в других областях Средиземноморья. Вряд ли правильно принципиально противопоставлять, как это иногда делается, понтийскую и западносредиземноморскую колонизации, так как обе они определялись общими закономерностями развития греческого общества и

¹ Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI. — ВДИ, 1980, № 3, с. 28 сл.; Shelov D. B. Le Royaume Pontique de Mithridate Eupator. — Journal des Savants. Juil.-Sept. 1982, p. 244—246; ср. Молев Е. А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976, с. 23.

имели много общего и в целях, и в характере, и в результатах². Но все же нужно учитывать некоторую специфику освоения греками причерноморских земель, хотя бы то обстоятельство, что это освоение было поздним этапом Великой греческой колонизации, или то, что ведущую и определяющую роль в нем играла колонизационная деятельность милетян. Эти особенности колонизации именно понтийского района могли уже в архаическое время привести к возникновению представления об этом районе как о некотором едином целом, отличным от других областей античного мира.

Отражение существования упомянутого представления в более позднее время можно усмотреть в терминологии греческих авторов IV в. до н. э., нередко употреблявших выражение «Понт» или «Понт Евксинский» для обозначения совокупности всех стран, расположенных по берегам Черного моря, или для наименования наиболее крупного в то время припонтийского государства — Боспорского царства. Такое словоупотребление мы находим у афинских ораторов: Исократ, Демосфен, Динарх³. Проникло оно и в исторические сочинения, например широко применялось Диодором⁴.

Очень интересно в этой связи восстановление Б. Мериттом и А. Уэстом фрагмента списка фороса афинских союзников за 425 г., где они читают [πόλες] ἐκ τῶ Εὐ[χεῖνῳ], предполагая существование в составе Афинской архэ особого Евксинского (или Понтийского) податного округа, в который входили причерноморские города⁵. Большинство современных исследователей принимает это восстановление, хотя оно не может считаться бесспорным и встретило, как известно, некоторые возражения⁶. Но как бы ни читать спорную вторую строку фрагмента надписи, остается несомненным, что вслед за нею следовал перечень городов, расположенных на разных побережьях Черного моря и объединяемых в рамках одного податного округа. Это обстоятельство позволяет думать, что уже во второй половине V в. до н. э. в политическом сознании афинян причерноморские города, расположенные на южном, западном и северном берегах Понта Евксинского, составляли некую географическую общность, позволявшую включить их в состав единой фискальной территориальной области.

Восприятие всего припонтийского региона как единого географического и экономического целого, которое, видимо, было свойственно грекам классической и эллинистической эпох, должно было облегчить появление идеи политического объединения всех припонтийских стран и городов. Самое раннее известное нам проявление этой идеи относится еще к концу IV в. до н. э. Диодор Сицилийский рассказывает, что боспорский правитель Евмел (309—304 гг. до н. э.) «вознамерился покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пресекла его жизнь» (Diod., XX, 25). У нас нет никаких оснований не доверять этому свидетельству Диодора. Правда, сицилийский историк писал свою «Библиотеку» тогда, когда политическое объединение всех припонтийских земель было уже не только отвлеченной идеей, но незадолго перед тем воплощено в жизнь на небольшой срок Митридатом Евпатором. Поэтому можно было бы заподозрить автора

² Брашинский И. Б., Шеглов А. Н. Некоторые проблемы греческой колонизации. — В сб.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 42.

³ Isocr., Trapez. 3, 35; Dem., XX, 31; XXXIV, 36; XXXV, 35; Din., 1, 43.

⁴ Diod., XVI, 31, 6; XVI, 52, 10; XX, 22.

⁵ Meritt B. D., West A. B. The Athenian Assessment of 425 B. C. Ann Arbor, 1939, p. 26—29, 68; Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mac-Gregor M. F. The Athenian Tribute Lists. I. Cambridge (USA), 1939, p. 157, 204; II, Princeton, 1949, p. 126.

⁶ Брашинский И. Б. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э. — ВДИ, 1955, № 2, с. 148 сл.; он же. Афины и Северное Причерноморье в VII—II вв. до н. э. М., 1963, с. 71 сл. Ср. Каллистов Д. П. Измена Гилона. — ВДИ, 1950, № 1; Карышковский П. О. Ольвия и Афинский союз. — МАСП, 1960, III.

приведенного пассажи в том, что он проецирует политическую реальность I в. до н. э. в далекое прошлое. Однако такому суперкритическому подходу к рассматриваемому отрывку Диодора препятствуют по крайней мере два обстоятельства.

Во-первых, давно уже твердо установлено, что в основе рассказа Диодора о боспорских делах конца IV в. до н. э. лежит какой-то весьма хорошо осведомленный местный источник, хронологически достаточно близкий к описываемым событиям⁷. Если это и не было сочинение, прямо инспирированное самим Евмелом и написанное его историографом, как иногда думают⁸, то во всяком случае это была хроника, составленная на Боспоре лицом, близко стоявшим к Спартокидам и излагавшим в своем сочинении некую официозную политическую версию, несомненно, угодную боспорской правящей династии⁹. Предполагать, что Диодор внес что-то от себя в характеристику боспорского царя Евмела, вряд ли возможно. Работа Диодора над этим боспорским источником, как и вообще над большинством использованных им произведений ранних авторов, сводилась главным образом к компилированию и к сокращению тех подробностей и деталей этих произведений, которые ему казались излишними¹⁰. Можно с уверенностью утверждать, что фраза о завоевательных устремлениях царя Евмела содержалась в сочинении боспорского историка раннеэллинистического времени, послужившем основой для соответствующего повествования Диодора.

Во-вторых, все то, что тот же источник сообщает о конкретной деятельности Евмела после того, как он стал правителем Боспора, как нельзя лучше согласуется с наличием у него планов установления всепонтийской супрематии. Мы узнаем, что за время своего краткого пятилетнего правления Евмел осуществил следующее: 1) вступил в войну с пиратствующими причерноморскими племенами — гениохами, таврами, ахеями — и очистил Понт от пиратов, за что был прославлен не только в своем царстве, но почти по всему миру; 2) присоединил к своему царству значительную часть соседних варварских земель; 3) постоянно оказывал услуги припонтийским эллинам, в частности жителям Синопы и Византии; 4) оказал помощь каллатийцам, осажденным Лисимахом, принял на Боспоре и наделил участками земли тысячу беженцев из Каллатии (Diod., XX, 25).

К сожалению, мы не можем конкретизировать эти чрезвычайно лаконичные сведения Диодора, вероятно, сильно сократившего пересказываемый им текст его боспорского источника. Неизвестно, какие земли и каких соседних варваров успел завоевать Евмел для своей державы. Вряд ли эти приобретения могли быть очень значительными: судя по титулатуре Спартокидов, их территориальные владения не претерпели больших изменений в конце IV в. до н. э.¹¹ Неясен и характер тех услуг, которые оказывал Евмел грекам южнопонтийских и западнопонтийских городов, за исключением конкретной помощи Каллатии. Можно только предполагать, что связи Евмела с центрами Западного и Южного Причерноморья помимо естественной экономической заинтересованности обеих сторон были в значитель-

⁷ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925, с. 126; Жебелев С. А. Античные источники для изучения Северного Кавказа. — СПб., с. 351; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 75; Каллистов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 166 сл.; Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 147—200.

⁸ Ростовцев. Ук. соч., с. 126.

⁹ Ср. Гайдукевич. Ук. соч., с. 161 сл. Представляется совершенно неубедительной попытка В. В. Струве (ук. соч., с. 190 сл.) связать сочинение древнего боспорского историка с херсонесской историографической традицией и видеть в нем херсонесского гражданина самосского происхождения, выполнявшего своим сочинением социальный заказ херсонесской демократии.

¹⁰ Мандес М. И. Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора. Одесса, 1901; Каллистов. Очерки..., с. 170; Струве. Ук. соч., с. 151 сл.

¹¹ Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964, с. 96.

ной степени обусловлены той же антилисимаховской позицией, которую должен был занять боспорский царь и которая проявилась в эпизоде с каллатийцами. Притязания Лисимаха на установление своего господства на севере Балкан и на Черноморском побережье Малой Азии должны были вызвать враждебную реакцию со стороны правителя Боспора, если он претендовал на роль всепонтийского сюзерена. Для греческих же городов, которым угрожало подчинение власти Лисимаха, обращение за поддержкой к царю Боспора, равно как и к постоянному врагу Лисимаха Антигону, было вполне естественным¹².

Как бы то ни было, но чрезвычайно активная политика Евмела во всем причерноморском бассейне не может подлежать сомнению. Эта его деятельность, касающаяся различных аспектов политической жизни Причерноморья и всех его районов, свидетельствует о намерении боспорского правителя играть здесь ведущую роль. При таких условиях у него вполне могла возникнуть идея политического объединения под своей властью всех побережий Понта. Другой вопрос — насколько эти притязания были осуществимы. Совершенно справедливы замечания современных исследователей относительно того, что высказанная Диодором (или, вернее, его боспорским предшественником) уверенность в том, что только случайная ранняя смерть помешала Евмелу претворить свои планы в жизнь, является явным преувеличением. Ни состояние самого Боспора, ни складывавшаяся в конце IV и начале III в. международная обстановка не позволяют думать, что исходящая от боспорского правителя инициатива объединения всех припонтских земель могла в то время увенчаться успехом¹³.

Та же программа объединения причерноморских стран прослеживается сто с лишним лет спустя в деятельности понтийского царя Фарнака I. Важнейшим шагом на этом пути стал для Фарнака захват Синопы, осуществленный в 183 г. до н. э. (Strabo, XII, 3, 11). Овладев Синопой, самым сильным в экономическом и военном отношении городом малоазийского побережья Черного моря, располагая Амисом, Амастрией и другими прибрежными центрами, ранее вошедшими в состав понтийских владений, основав новый город-крепость Фарнакию в самом центре богатого железорудного района, населенного халибами, царь Понта становился фактическим хозяином всего южного побережья Черного моря¹⁴. Но интересы Фарнака простирались гораздо дальше, на все другие прибрежные районы Понта Евксинского. Об этом ясно говорят эпитафические источники и прежде всего договор о дружбе между Фарнаком и Херсонесом Таврическим, запечатленный на мраморной плите, найденной в Херсонесе в 1908 г. (IOSPE, I², 402). Договор относится, как установил еще первоиздатель надписи Р. Х. Лепер, к 179 г. до н. э.¹⁵ Р. Х. Лепер полагал, что договор был заключен после периода враждебных отношений между договаривающимися сторонами, но К. М. Колобова высказала весьма обоснованное предположение о том, что этот договор явился возобновлением с некоторыми изменениями ранее существовавших между Херсонесом и Фарнаком договорных отношений и что он свидетельствует о том, что дружеские связи между ними были установлены раньше¹⁶. В договоре главным является обязательство взаимно содействовать сохранению независимости и спокойствия партнера по договору, причем если обязательство херсонесцев по охране царства Фарнака было, конечно, лишь фразой, то клятва Фарнака помогать Херсонесу в случае нападения со-

¹² *Невская В. П.* Византизм в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, с. 136 сл.; *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 99 сл.

¹³ *Жебелев С. А.* Боспорские этюды. — СП, с. 179; *Блаватский.* Ук. соч., с. 96 сл.

¹⁴ *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М. — Л., 1956, с. 178 сл.

¹⁵ *Лепер Р. Х.* Херсонесские надписи. — ИАК, 1912, 45, с. 33.

¹⁶ *Колобова К. М.* Фарнак I Понтийский. — ВДИ, 1949, № 3, с. 30.

седних варваров имеет гораздо более реальный смысл: она дает понтийскому царю возможность активно вмешиваться в северочерноморские дела. Именно эта ситуация и возникла позднее, в конце II в. до н. э., когда ею так удачно для своего царства воспользовался внук Фарнака I Митридат Евпатор.

Связи Фарнака с городами западного побережья Понта засвидетельствованы надписью из Варны, содержащей отрывки какого-то договора между понтийским царем и Одессом¹⁷. И хотя содержание этого договора ввиду плохой сохранности надписи не может быть полностью восстановлено, политическая активность Фарнака в этом районе не может подлежать сомнению¹⁸.

Но особенно показателен в интересующем нас аспекте текст мирного договора 179 г. до н. э., сохраненный нам Полибием (XXV, 2). Договор был заключен после четырехлетней войны, которую вели Фарнак Понтийский и союзный ему царь Малой Армении Митридат против коалиции малоазийских царей: Евмена Пергамского, Прусия Вифинского и Ариарата Каппадокийского. Условия договора, неблагоприятные для Фарнака и Митридата, не могут нас здесь интересовать; примечательно другое: Полибий сообщает, что в договор были включены, вероятно, в качестве гарантов причерноморские города и правители некоторых припонтийских стран, не принимавшие непосредственного участия в конфликте. Это Гераклея Понтийская, Кизик, Месембрия, Херсонес Таврический, сарматский царь Гатал, правитель Великой Армении Артаксий и не известный нам ближе какой-то азиатский правитель Акусилох. Представляется очень заманчивым видеть в последнем, согласно остроумному предположению А. И. Немировского, царя Колхиды¹⁹.

Конечно, совершенно не случайно все упомянутые в договоре города и страны расположены по периплу Понта Евксинского. Только Кизик не принадлежит к причерноморским центрам, но он лежит на берегу Пропонтиды, откуда открывается путь в Черное море. Западное Причерноморье представлено в списке Месембрией, Северное — Херсонесом и Сарматией, Восточное и Юго-Восточное — Колхидой (?) и Арменией, Южное — Гераклеей. Достаточно взглянуть на карту, чтобы ясно понять, как составители мирного договора и римляне, при содействии и под покровительством которых был заключен договор, представляли себе единство всей припонтийской области. С другой стороны, если верно предположение, что все поименованные государства состояли с понтийским царем если не в союзных, то в дружественных отношениях²⁰, то становится очевидным и тот всеобъемлющий характер, который стремился придать своим понтийским связям Фарнак I. Учитывая все это, следует признать вполне справедливым положение К. М. Колобовой о том, что еще Фарнаком было задумано создание Понтийской монархии, которая «должна была охватывать берега Евксинского Понта и владеть ключевыми позициями торговых путей этого района»²¹. Впоследствии этот план последовательно и настойчиво осуществлялся Митридатом Евпатором, которому удалось создать единую, охватывающую все Причерноморье Понтийскую державу.

Однако нельзя согласиться с другим утверждением К. М. Колобовой, будто и для Фарнака, и для Митридата создание такой державы было лишь средством для ведения борьбы против Рима и определялось интереса-

¹⁷ Данов Хр. Връзките на Понтийското царство със западното черноморско крайбрежие според два новооткрити надписа. — ИИД, 1937, XIV—XV, с. 54 сл.

¹⁸ Колобова. Ук. соч., с. 34.

¹⁹ Немировский А. И. Понтийское царство и Колхида. — В сб.: Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980, с. 154 сл.

²⁰ Колобова. Ук. соч., с. 34 сл.

²¹ Там же, с. 28; Ломоури Н. Ю. К истории Понтийского царства. Тбилиси, 1979, с. 56 сл.

ми этой борьбы²². Такая точка зрения, впрочем, достаточно широко распространена в советской науке²³, вызывает серьезные возражения. Для времени Фарнака I вообще невозможно говорить о какой-либо враждебности Понтийского царства по отношению к Риму. Как и другие малоазиатские владетели, Фарнак признает за римским сенатом право выступать в роли третейского судьи в отношениях между эллинистическими государствами Востока, направляет в Рим послов и принимает у себя комиссии римских расследователей, которые проявляют, кстати сказать, по отношению к понтийской монархии полную благожелательность²⁴. Если Фарнак не работает перед римлянами, как Евмен Пергамский, то и о какой-либо оппозиции Риму с его стороны говорить невозможно. Его лояльность по отношению к Риму может быть подтверждена теми оговорками о дружбе с римлянами, которые содержатся в тексте его договора с Херсонесом²⁵.

Но и в отношении Митридата Евпатора было бы ошибочным полагать, что распространение его власти на все припонтийские территории определялось его планами борьбы против Рима и осуществлялось в соответствии с этими планами. Наоборот, сам понтийско-римский конфликт явился результатом совершенно не приемлемого для римлян расширения и укрепления Понтийского царства, о чем недвусмысленно свидетельствует Аппиан (Mithr. 10). Именно превращение небольшого второстепенного малоазиатского государства, каким был Понт до Митридата VI, в большую черноморскую державу, для которой Евксинский Понт стал почти внутренним морем и правитель которой стал претендовать на руководящую роль на эллинистическом Востоке, заставило римлян в течение многих лет вести упорную и ожесточенную борьбу против великого понтийского царя.

Все вышесказанное позволяет с уверенностью утверждать, что идеи и планы создания единого всепонтийского государственного объединения возникли и развивались вне всякой зависимости от антиримской политики понтийского царя Митридата VI, еще тогда, когда о такой политике не могло быть и речи. Эти планы базировались, с одной стороны, на осознании древними единства всего припонтийского района, с другой — на очень давних и прочных внутривосточных экономических связях, особенно окрепших с IV в. до н. э.²⁶

Обращает на себя внимание тот факт, что носителями идеи создания всепонтийского государства были не жители припонтийских греческих городов, а правители полуварварских государств, расположенных на бережьях Понта Евксинского, — Евмел, Фарнак, Митридат. Это не удивительно, принимая во внимание, во-первых, многочисленные примеры образования греко-варварских эллинистических государств, а во-вторых, все еще живую приверженность населения греческих полисов к автаркии. Но это не значит, что античные города Причерноморья не были заинтересованы в таком объединении. Очень любопытна в этой связи высказанная Н. Ю. Ломоури мысль, что еще Фарнак I предназначал роль основной опоры в предстоящем объединении Причерноморья под властью понтийских царей именно греческим городам²⁷. История державы Митридата Евпатора подтверждает такую роль античных городов. Именно торговые причерноморские центры были цементирующей силой государства Мит-

²² Колобова. Ук. соч., с. 35.

²³ Например, Гайдужевич. Ук. соч., с. 301; Каллистов. Очерки..., с. 97; Ломоури. Ук. соч., с. 95, и др.

²⁴ Колобова. Ук. соч., с. 28 сл.; Ломоури. Ук. соч., с. 51 сл., 61.

²⁵ Денер. Ук. соч., с. 31.

²⁶ Нейхардт А. А. К вопросу о политике Евмела на Понте Евксинском. — В сб.: Древний мир. М., 1962, с. 595 сл.; Шелов Д. Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху. — В сб.: Античное общество. М., 1967, с. 223; Молев. Ук. соч., с. 56 сл.

²⁷ Ломоури. Ук. соч., с. 56.

ридата, так как руководящие слои их были непосредственно заинтересованы в сохранении политико-экономического единства бассейна Черного моря. С одной стороны, это единство создавало наиболее благоприятные условия для развития торговых связей между различными городами и районами Причерноморья, с другой — оно способствовало установлению между античными городами и соседними варварскими племенами более тесных контактов, которые пришли на смену постоянным нападениям этих племен на греческие города. Естественно, что торговые и ремесленные слои населения как в городах собственно Понта, так и в полисах Причерноморья, позднее включенных в царство Митридата, должны были стать активными сторонниками объединительной политики понтийского царя. М. И. Максимова, по-видимому, с полным основанием полагала, что именно эти слои составляли главную опору власти Митридата и были основными противниками римской экспансии в понтийских городах Амисе и Синопе, тогда как более бедные слои городского населения с гораздо меньшей враждебностью относились к перспективе перехода их городов под власть Рима²⁸. Следует думать, что примерно так же обстояло дело и в других торговых центрах Причерноморья.

Интересно отметить, что города Западного Причерноморья, официально, видимо, не подчиненные власти понтийского царя, но, несомненно, находившиеся в орбите его влияния и, вероятно, состоявшие с ним в союзе, отразили свое отношение к его объединительной политике в типологии выпускаемых ими серебряных монет. Э. Гаджеро совершенно справедливо замечает, что, придавая персонажам, изображаемым на тетрадрамах Одесса, Истрии, Каллатии и других городов, портретные черты Митридата VI или его сыновей, эти города демонстрировали свою солидарность с делом понтийского царя²⁹. Не менее показателен выпуск в Тире на рубеже II и I вв. до н. э. медных монет с изображением бородатого божества с клешнями рака на висках, олицетворявшего скорее всего Понт Евксинский³⁰. Возникновение такого типологического мотива в эпоху создания единой причерноморской державы Митридата VI вполне понятно и закономерно. Естественно, что чеканку монеты с подобной символикой мог осуществлять только город, в какой-то степени поддерживающий всепонтийские объединительные тенденции Митридата³¹.

Приведенные материалы показывают, как идея политического единства всего причерноморского бассейна развивалась на протяжении нескольких столетий, пока не получила реального осуществления в виде всепонтийской державы Митридата Евпатора, когда в ее претворении в жизнь оказались заинтересованы не только эллинистические монархии, но и торгово-ремесленные слои припонтийских городов.

THE ANCIENT IDEA OF A UNIFIED PONTIC STATE

D. B. Shelov

The idea of uniting all the cities and lands encircling the Black sea into one Pontic state arose at a relatively early date when, at the end of the 4th century B. C., the Bosphoran king Eumelus contemplated extending his kingdom to include the whole coastal region of the Pontus Euxinus. Later on the Pontic king Pharnaces I was hatching similar plans, and his grandson Mithridates Eupator put them into practice at the end of the 2nd century B. C., subjecting to his rule almost all the lands along the Black Sea littoral. The idea of a unified Pontic state was probably stimulated by the circumstance that the Greeks had earlier come to regard the Black Sea basin as a single geographico-economic region. Intensive intra-Pontic relations, strengthened especially by the commercial interests of the coastal cities, provided the necessary material condition for political unification.

²⁸ Максимова. Ук. соч., с. 274.

²⁹ Gaggero E. S. Relations politiques et militaires de Mithridate VI Eupator avec les populations et les cités de la Thrace et avec les colonies grecques de la Mer Noire occidentale.— Pulpudeva, 1978, 2, p. 298—299.

³⁰ Зограф А. Н. Монеты Тире. М., 1957, с. 74, № 32, 33, табл. II, 8, 9.

³¹ Шелов Д. Б. Тира и Митридат Евпатор.— ВДИ, 1962, № 2, с. 100.